

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Абсурдистская картина современности в пьесах Дмитрия Данилова

Аннотация: Статья обращена к сегодняшнему литературному материалу – одноактным пьесам Дмитрия Данилова 2017–2020 гг., где через абсурдистские сценические ситуации, речь и столкновения действующих лиц создается объемная художественная картина современности. Рассматриваются пути драматургического воплощения злободневной бытовой и общественной проблематики, обсуждается изображение ментальных особенностей героя-современника.

Ключевые слова: современная литература, драматургические эксперименты, эстетика абсурда, общественно-политическая проблематика

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Absurdist Picture of Modernity in Dmitry Danilov's Plays

Abstract: The article is addressed to today's literary material – Dmitry Danilov's plays of 2017–2020, where a three-dimensional artistic picture of modernity is created through absurdist stage situations, speech and collisions of actors. The ways of dramaturgical embodiment of topical social issues are considered, the image of the mental features of the hero-contemporary is discussed.

Key words: modern literature, dramatic experiments, aesthetics of the absurd, socio-political issues

Драматургия Дмитрия Алексеевича Данилова (род. в 1969) – прозаика, поэта, автора известного романа-антиутопии «Саша, привет!» (2021)¹ – видится самобытным, не в полной мере изученным явлением современной культуры. Его одноактные пьесы 2017–2020 гг. («Человек из Подольска», «Сережа очень тупой», «Свидетельские показания», «Что вы делали вчера вечером?», «Выбрать троих»), а также оперное либретто «Путь к сердцу» (2017) публиковались на страницах «Нового мира» и ставятся на столичных и региональных сценических площадках: в Театре.doc, «Современнике», «Практике», «Мастерской Петра Фоменко» и др. Широкий резонанс в мае 2017 г. вызвала премьера «Человека из Подольска» в Теа-

¹ *Ничипоров И.Б.* Казнь с открытой датой: о романе Дмитрия Данилова «Саша, привет!» // Литературная Россия. 2022. №28(3039). 22–28 июля. С. 8: litrussia.su/2022/07/29/kazn-s-otkrytoj-datoj/

театр.doc (реж. М. Угаров и И. Стам), пьеса была удостоена «Золотой маски» (2018) и позднее легла в основу одноименного фильма режиссера С. Серзина (2020).

Свое тяготение к абсурдистскому восприятию современности Данилов связывает с влиянием Добычина, Хармса, Мамлеева¹, с пристрастием к технике «минимализма», когда композиция складывается из «сплошных повторений, одинаковых периодов с небольшими изменениями, вроде бы все то же самое, но немножко сдвинулось, потом еще сдвинулось, опять вернулось»².

Пьеса «Человек из Подольска» (Новый мир. № 2)³ построена на характерном для произведений Данилова *дискурсе допроса*, который на этот раз ведется в обычном московском отделении полиции, однако превращается в «занимательную психологическую игру»⁴, поскольку «дознаватели коварными допросами и абсурдными пытками... должны вытащить из героя человека – и понять, что с этим человеком не так»⁵; здесь, по замечанию автора, «через грубое психологическое насилие человеку что-то объясняют»⁶.

Без видимых причин попавший в отделение житель Подольска Николай Фролов 1985 г.р. пытается выяснить «за что меня задержали?», на что получает странное заверение «выясним, за что вас задержали» и подвергается все более нелепым расспросам о «численности населения Подольска», о том, что именно он видит каждый день по дороге на работу из Подмосковья на Автозаводскую, обращает ли внимание на «красивый высокий мост через Пахру», почему, пренебрегая популярным с некоторых пор внутренним туризмом, он своему городу предпочитает далекий Амстердам, ведь, как разъясняет ему «госпожа капитан» Марина, «в Амстердаме Ауде Керк, в Подольске – Троицкий собор. В Амстердаме каналы – в Подольске усадьбы. Почему одно хуже другого?»

Подобно тому как из уже находящегося в отделении «мытищинского» гражданина блюстители закона, а заодно и морали «потихоньку» «делают... человека», Николай Фролов, который поначалу «обреченно смотрит в пол», жалуется на окружающий его «абсурд какой-то», становится объектом полицейской «воспитательной работы с населением», понимаемой его истязателями как «наш долг перед обществом, наша служба».

Подольский житель – выпускник истфака Ленинского педа, редактор ведомственной газеты префектуры Южного округа, сочиняющий на досуге музыку для группы «Жидкая мать», – выдергивается из привычного измерения полицейскими, которые то грозят подбросить ему «заветный пакетик» для улучшения показателей оперативной работы, то делают его зрителем «полицейского танца для развития мозга», оглушают криками и хлопками, донимают едва ли не метафизическими вопросами «любишь абсурд?», «не любишь абсурд?», «любишь, когда все понятно, логично, как положено?»

¹ Дмитрий Данилов: «Скучное – это самое интересное» [Интервью]: polka.academy/materials/741 (дата обращения: 30.09.2022).

² Там же.

³ Здесь и далее тексты пьес Д. Данилова приводятся по указанным журнальным публикациям.

⁴ *Гладышева М.* Рецензия на спектакль «Человек из Подольска», Театр.doc. Подольский человек в футляре: pluggedin.ru/open/recenziya-na-spektakly-chelovek-iz-podolyska-teatrdoc-podolyskiy-chelovek-v-futlyare-10721 (дата обращения: 30.09.2022).

⁵ *Москвитин Е.* «Человек из Подольска» – кафкианская история о маленьком человеке, которого обвиняют в бездарном проживании жизни: www.pravilamag.ru/entertainment/224483-chelovek-iz-podolska-kafkianskaya-istoriya-o-malenkom-cheloveke-kotorogo-obvinyayut-v-bezdarnom-prozhivanii-zhizni/ (дата обращения: 30.09.2022).

⁶ Дмитрий Данилов: «Скучное – это самое интересное»...

В динамике фарсового действия, в ходе которого «допрос» перемежается будничными делами и бюрократическим документооборотом отделения полиции, прочерчивается *душевный склад современного «лишнего» человека*, отнюдь не обделенного интеллектуальным, творческим потенциалом, но травмированного незадавшейся семейной жизнью, удрученного опостылевшим созерцанием «города заводов» и промзон, досаждующего на свою страну за то, что ей не интересны эксперименты его музыкальной группы или группы «Мокрый Пушкин», где играет его девушка, – в то время как в вожделенном Амстердаме «народ ломился» на «фестиваль электронщиков».

Заложник отупляющих стереотипов мышления и поведения, который свыкся с ограниченностью жизненного горизонта «домами обычными, серыми... ларьками, шаурмой», оказывается беззащитным перед изощренностью государственного воздействия, а за трагикомическими перипетиями допроса в пьесе «проглядывается беспросветная русская тоска»¹. Действуя от лица всемогущего аппарата, полицейские играючи нарушают границы частной жизни героя. Как будто для блага человека и гражданина они берутся «разогнать тоску бытия», дерзают «заглянуть в тайные уголки души», уверяют, что исключительно из гуманистических соображений «мы сейчас занимаемся выяснением твоей личности», которая «бесконечно шире... паспорта».

«Госпожа капитан» Марина «с подчеркнуто утонченными внешностью и манерами» и ее сослуживцы искусно балансируют *на грани педагогики и демагогии*, порой срываются в очевидный официоз («Дух захватывает! Хочется петь гимн Москвы!») и укоряют свою жертву в том, что «историю не любишь, работу свою не любишь, родным городом не интересуешься». «Красивая и ухоженная» женщина-полицейский в процессе воспитания патриотических чувств подследственного имитирует доверительное общение с собеседником, любопытствует, «что интересного встречается вам по пути», и в свою очередь рассказывает, как она «тоже ездила, смотрела, наблюдала», вдохновлялась «прекрасно-зловещим силуэтом цементного завода», а по пути от Нахабино до Рижского вокзала ей, как «сияющий белый град», открывалось Строгино, «и небо ведь все время разное»... Рецензентами было подмечено, что «реальности этой сюрреалистической истории придают фактические названия городов и станций, все кажется родным и знакомым»².

Вкрадчивые, как будто проникнутые женской чуткостью увещевания Марины «приглядеться», «просто погулять по Подольску», прокатиться на электричке и «просто смотреть в окно» оттеняются тут же предъявляемым инквизиторским требованием «по пунктам», под протокол изложить причины нелюбви к городу проживания и особенно чреватой новыми репрессивными мерами обвинительной записью в протоколе о «неуважении» героя к Реальности – именно с большой буквы, ибо «по нашим инструкциям так положено».

Предвосхищение еще более масштабных экспериментов государства в области социальной «педагогики» угадывается в напутственном обещании полицейских «часто вас задерживать», в их настоятельной рекомендации герою на будущее иметь при себе диск со своей музыкой для обстоятельного разбора его подозрительного творчества: «В следующий раз устроим коллективное прослушивание. Обсудим твои творческие перспективы. Если они есть».

¹ Ковалев Р. Право быть мудаком. Рецензия на фильм «Человек из Подольска»: posletitrov.ru/articles/movies/reviews/pravo-byt-mudakom-recenzija-na-film-chelovek-iz-podolska/ (дата обращения: 30.09.2022).

² Гладышева М. Рецензия на спектакль «Человек из Подольска», Театр.doc. Подольский человек в футляре.

Гротесковый, наполненный «дикими, экстатическими движениями» полицейский танец сменяется в финале зловещей немой сценой, навевающей отчаяние от, как кажется, прочно закрепившегося миропорядка: «Музыка обрывается в кульминационной точке, и пять фигур застывают в странных, вычурных позах». В результате текст Данилова в самом деле воспринимается «и как реалистичный триллер, и как абсурдная комедия; и как драма о никудышном поколении, и как трагедия о встрече с судьбой. Еще немного танцев, и он сошел бы за бурлескный мюзикл в полицейском участке»¹.

Дискурсу допроса в различных его вариациях подчинена композиция и ряды иных пьес Данилова.

Сюжетный рисунок пьесы «Сережа очень тупой» (Новый мир. 2018. № 1) построен на обыгрывании двоякого значения речевого клише «мы у вас в течение часа будем», которое ловко используют курьеры в телефонном разговоре с 30-летним московским программистом Сергеем. К его изумлению, сразу три курьера («по трое работаем») непременно «должны пробыть» у клиента – помимо его воли – «в течение часа», ведь, согласно правилам их засекреченной Службы Доставки, «надо с человеком посидеть, поговорить, время провести... надо же каждому человеку, чтобы с ним кто-нибудь посидел!»

Разговор растерявшегося героя с неспроста имеющими военную специальность курьерами, которые якобы ради доставки не ожидавшейся посылки проходят в комнату и «рядком садятся на диван», приобретает абсурдистский характер и постепенно позволяет осознать Службу Доставки в качестве всевидящего государственного ока, универсальной функции «одного окна», которая стоит значительно выше правоохранительной системы («Что, сынку, помогли тебе твои менты?») и под видом оказания социальных услуг уверенно контролирует сферу домашней жизни. Сотрудники Службы вызывают клиентов на принудительную искренность, из предыстории их деятельности открывается, что задумавшему самоубийство клиенту они услужливо помогают повеситься, что на случай внезапной смерти клиента у них имеются законные полномочия тут же, в обход родственников «обмыть его, одеть», похоронить «прямо во дворе» и даже по церковным канонам отслужить панихиду и пропеть ему «Вечную память». Их офис невозможно отыскать на карте, при этом им оказывается под силу как выведать религиозные чувства «подопечного», так и немедленно «вырезать аппендицит», затуманить сознание собеседника бессмысленной игрой «в города», исполнением страшноватой «казачьей» песни, деликатными внушениями, что «надо к людям с душой», и в то же время угрожающим предупреждением о том, что «мы вас всех как облупленных видим».

В речевом пространстве пьесы единственным, хотя и хрупким противовесом велеречивой демагогии «посетителей» становится атмосфера неформального семейного общения. Жена спасовавшего перед агрессивным «курьерским» напором программиста заставляет его выбросить непрошеную посылку, хотя отчасти сама поддается инерции абсурда и слагает горькие вирши о «туповатом любимом Серее». Финальная сцена их душевного застольного разговора прерывается тревожной ремаркой, сулящей неизбежное наступление умело организованных внешних сил на частное бытие: «Громкость разговора постепенно затухает, сходит на нет. Затемнение».

¹ Москвитин Е. «Человек из Подольска» – кафкианская история о маленьком человеке, которого обвиняют в бездарном проживании жизни.

Структура пьесы «Свидетельские показания» (Новый мир. 2018. № 7) формируется из разноголосицы анонимных реплик, произносимых в ответ на «вопросы невидимого в спектакле следователя» о некоем человеке, который «выпал из окна своей квартиры и разбился насмерть». Личная драма центрального, но по большей части внесценического персонажа доносится в парадоксальном наложении как заведомо поверхностных, так и претендующих на проницательность характеристик.

Взаимоисключающие соседские отзывы о погибшем, который то ли «такой вежливый всегда, улыбается», «аккуратный», то ли «мутный», «нехорошо бледный», «музыка у него орала ночью», перетекают в суждения начальника, коллег, отмечающих его подчеркнутую замкнутость («пришел, отработал, ушел») и особенно несоответствие дорогого автомобиля должности простого менеджера по продажам. Даже священнику, у которого погибший регулярно исповедовался и причащался, не запомнилось в нем ничего выделявшегося из «мутного серого потока» многочисленных признаний в содеянных грехах. Эскапистские настроения героя, который принципиально избегал личного общения и «все вопросы только по почте и скайпу решал», передаются и «показаниями» его бывшей сожительницы, поведавшей, как он, не распространяясь о своей работе, «роман писал», «шутил про трудовые сбережения» и, дистанцируясь от повседневности, «балдел» от музыки – «металла там всякого норвежского».

В чересполосице реплик опрошенных нащупывается и потаенная писательская стезя героя – «топового автора» одного успешного издательства, «детективщика», делового, непубличного «профессионального ремесленника», скрывавшегося под псевдонимом и «стабильно выдававшего по два романа в год». Он писал «заковыристо», на книжных ярмарках говорил про ЗОЖ, пил «только свежесжатые соки и зеленый чай», удивлял «неумеренным бодречеством и оптимизмом», а давая однажды интервью – заочно, «по переписке», – вместо своего снимка в насмешку прислал зачем-то фото Макрона... Подоплека болезненной закрытости героя отчасти высветляется свидетельством отчима о его семейной драме, ранней потере матери, воспоминаниях об отце – бандите, которого «убили на разборке». Прибегая к художественной условности, автор вводит напоследок монолог самого героя, который мрачно шутит о том, как проходил его предсмертный полет, жалеет, что теперь «нет связи, нет коммуникации», и, вещая с безжизненных вселенских просторов, делится своей не преодоленной и там экзистенциальной тоской: «Летаю над Землей... скука пожрала меня... ничего нет и не будет».

Идущая от предшествующей пьесы *драматургия затухающего разговора* в финале «Свидетельских показаний» получает абсурдистское выражение. Пусть упрощенная, но все же содержательная рефлексия о прошедшей перед глазами человеческой судьбе, психологических мотивировках поведения теперь вовсе иссякает и вытесняется безнадежной редукцией мысли и слова, механическим воспроизведением тавтологичной речевой формулы: «Вообще совсем ничего не могу о нем сказать...»

Размывание сущностных сторон бытия в поверхностных комментариях, слогах, случайных ассоциациях запечатлелось в композиции пьесы «*Что вы делали вчера вечером?*» (Новый мир. 2019. № 12).

Условным режиссером, экспериментирующим «для театра», в пространство всеобщей доступности выносится давший заглавие пьесе банальный вопрос. Сквозь словесную шелуху тривиальных ответов, являющих красноречивый бытовое срез современности в диапазоне от жарки котлет, дегустации виски, распития

коктейлей с подругами до квартального отчета, работы в такси, встречного вопроса бизнесмена о прибыльности театра и встречного же полицейского допроса («По какому вопросу задаете вопрос?.. Вы на каком основании сотрудника полиции спрашиваете?»), – улавливаются проблески творческих усилий говорящих и их реального анализа повседневности. Тот, который «вчера отца похоронил», различает в этой потере отзвуки давнего семейного разлада; иной погружается в чтение «Гаспарова, об истории русского стиха»; некий поэт-«бытовик» подыскивает вещные и пейзажные ассоциации к своим вечерам, напоминающим ему то «тапочки несчастной домохозяйки», то «беспросветное серое небо над Восточным Дегунино и Бирюлево-Западным»... Взгляду несхожего с ним поэта-абсурдиста, ужасающегося фатальной неадекватности словесных обозначений, созвучны признания другого собеседника, который, отчасти подобно герою «Стены» Л. Андреева, распознал в сосредоточенном взгляде на стену возможность ослабления диктата предметных форм и нахождения нового мыслительного ракурса: «Вчера вечером я смотрел на стену... Это не то же самое, что ничего не делать. Надо сесть напротив стены, чтобы на стене был какой-нибудь небольшой объект для наблюдения – ну, там, гвоздь вбитый или шуруп вкрученный, только не картина, не что-то интересное, а просто какой-нибудь нейтральный объект. Можно просто точку жирную нарисовать на стене, так лучше всего. Вот и надо сесть, расфокусировать взгляд и смотреть на эту точку. И постараться остановить внутренний диалог... В принципе, сама по себе расфокусировка взгляда способствует остановке внутреннего диалога. Вот и сидишь так. Это довольно трудно, но интересно. Могут интересные эффекты возникать... Странно смотреть, например, на догорающий закат или на красивые картины в музее. А на стену – нормально».

Изобретательными «карантинными» манипуляциями обусловлены конфликтный фон и неуклонная абсурдизация действительности в пьесе «Выбрать троих» (Новый мир. 2020. № 6).

Предметом художественного исследования послужила здесь *заведомо ущербная коммуникация* на «семейном совете» между родителями, их взрослыми детьми и бабушкой в ходе устроенной посредством видеосвязи «единственной за многие годы семейной встречи». Внедряемый сверху эксперимент диктует необходимость каждому подопытному гражданину «выбрать троих людей, с которыми он будет в постоянном контакте» и получит дозволение «находиться в одном помещении». И без того нарушенные стремительными ритмами современности семейные отношения подавляются теперь официально регламентируемым «распределением слотов», в соответствии с которым «надо будет заранее заявку на встречу подавать... там разные режимы будут... если содержимое слота умирает, можно сразу после смерти подать заявку на замену».

Семейные споры, лукавые умолчания о том, кто на кого хочет или не хочет «потратить слоты», подогревают взаимную рознь близких людей, а их, казалось, ушедшие в прошлое взаимные противоречия актуализируются в ярких, местами социально острых абсурдистских манифестациях и интертекстуальных включениях. Патетические разговоры о необходимой энергии личного общения обесмысливаются выводами вкусившего прелесть самостоятельной жизни Павла о том, что, ко всеобщему счастью, «есть службы доставки», которые «готовое все доставят», и «если люди друг с другом не трахаются, то им личное общение в реале не нужно». За пределами искусственного мирка «телеконференции» уже сточается неравное противостояние островков душевной свободы, ощущение ко-

торой рождается, к примеру, в созерцании Павлом с балкона полюбившегося ему «одновременно унылого и прекрасного» московского пейзажа, – и беспощадного к слушателю, вызывающе бессмысленного информационного потока: «По телевизору передают новости. Передают новости об успехах российского балета, о сельскохозяйственных работах на Кубани. Произносится текст: “В последние три месяца в России не было зафиксировано ни одного случая заражения вирусом, названия которого не рекомендуется произносить на территории Российской Федерации в целях недопущения паники. Ожидается, что завтра Госсовет объявит о дополнительных ограничительных мерах с целью недопущения повторного распространения вируса”».

Переродившийся в покорное общему порядку «содержимое слота» глава семейства Николай Степанович с трепетом говорит о своем начальнике, оказавшем ему честь быть с ним «в слоте непосредственного общения», причем сами «такие люди могут общаться без ограничений». Как горькая исповедь звучат признания его избалованной свободой супруги Нелли Максимовны о том, что «атмосфера доканывает. Все вот это вот, бесконечное. Вот это. Сюда можно выходить, сюда нельзя. Сюда пять баллов, сюда десять баллов». Ей в эмоциональном порыве почему-то вдруг захотелось «спеть гимн Союза Советских Социалистических Республик», а на память мудрой бабушки Аглаи Павловны приходят оруджавские строки из романса ностальгирующей черепахи Тортилы в фильме «Приключения Буратино». Истосковавшейся в «изоляции» Нелли Максимовне «хочется как-то выступить», «что-то сделать», она поет-таки о «Союзе нерушимом» и под занавес вступает с бабушкой в поистине абсурдистский диалог:

Аглая Павловна. ...Нелличка, как ты хорошо пела гимн. Это какой страны гимн? Уже и не упомнишь. Ладно, спасибо, что не бросаете старуху.

Нелли Максимовна. Это был гимн СССР.

Аглая Павловна. Надо же. СССР. Чего только в жизни не бывает. Ладно, поговорили, обсудили. Хорошо. Ладно. Волей народов, ишь.

Итак, в драматургии Д. Данилова предлагается многоплановое абсурдистское видение современности и погруженного в нее индивидуального и общественного сознания. Подсказанные злобой дня ситуации полицейского допроса, вторжений в домашнее пространство, всевозможных опросов, сборов свидетельских показаний, «удаленной» коммуникации, «реставрации» одних текстов и табуирования других обрели в его пьесах оригинальное сценическое воплощение, позволившее совместить разноголосое звучание сегодняшней жизни, характерных для нее психологических и бытовых конфликтов с укрупненным изображением внутреннего «я» срединного «человека из Подольска», пока еще мыслящего и продолжающего искать выход из тупиков повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

Гладышева М. Рецензия на спектакль «Человек из Подольска», Театр.doc. Подольский человек в футляре: pluggedin.ru/open/recenziya-na-spektakly-chelovek-iz-podolyska-teatrdoc-podolyskiy-chelovek-v-futlyare-10721 (дата обращения: 30.09.2022).

Дмитрий Данилов: «Скучное – это самое интересное» [Интервью]: polka.academy/materials/741 (дата обращения: 30.09.2022).

Ковалев Р. Право быть мудаком. Рецензия на фильм «Человек из Подольска»: posletitrov.ru/articles/movies/reviews/pravo-byt-mudakom-recenzija-na-film-chelovek-iz-podolska/ (дата обращения: 30.09.2022).

Москвитин Е. «Человек из Подольска» – кафкианская история о маленьком человеке, которого обвиняют в бездарном проживании жизни: www.pravilamag.ru/entertainment/224483-chelovek-iz-podolska-kafkianskaya-istoriya-o-malenkom-cheloveke-kotorogo-obvinyayut-v-bezdarном-prozhivanii-zhizni/ (дата обращения: 30.09.2022).

Ничипоров И.Б. Казнь с открытой датой: о романе Дмитрия Данилова «Саша, привет!» // Литературная Россия. 2022. №28(3039). 22–28 июля. С. 8: litrussia.su/2022/07/29/kazn-s-otkrytoj-datoj/

REFERENCES

Gladysheva M. Review of the Play “The Man from Podolsk”, *Tearp.doc*. Podolsky Man in a Case: pluggedin.ru/open/recenziya-na-spektakly-chelovek-iz-podolyska-teatrdoc-podolskiy-chelovek-v-futlyare-10721 (date accessed: 30.09.2022).

Dmitry Danilov: “Boring is the Most Interesting” [Interview]: polka.academy/materials/741 (date accessed: 30.09.2022).

Kovalev R. The Right to Be an Asshole. Review of the Film “The Man from Podolsk”: posletitrov.ru/articles/movies/reviews/pravo-byt-mudakom-recenzija-na-film-chelovek-iz-podolska/ (date accessed: 30.09.2022).

Moskvitin E. “The Man from Podolsk” – A Kafkaesque Story about a Little Man Who is Accused of Mmediocre Living Life: www.pravilamag.ru/entertainment/224483-chelovek-iz-podolska-kafkianskaya-istoriya-o-malenkom-cheloveke-kotorogo-obvinyayut-v-bezdarном-prozhivanii-zhizni/ (date accessed: 30.09.2022).

Nichiporov I.B. Execution with an Open Date: About Dmitry Danilov’s Nnovel “Sasha, hello!”. *Literaturnaya Rossia*. 2022. №28(3039). July 22–28. P. 8: litrussia.su/2022/07/29/kazn-s-otkrytoj-datoj/

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Iliа B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru